

Решение вопроса о Великой Моравии, одной из самых значительных и интересных великодержавных формаций ранней средневековой Европы, второго западнославянского государства большого международного значения, особенно его так наз. византийской миссии 863—885 гг., не только необычайно прославившей область старых жителей Моравии и период моравских князей Ростислава и Святополка, но и затемнившей собственно судьбу Великой Моравии, обращает на себя внимание ряда научных исследователей и более широкой общественности вот уже несколько веков. В 1963 г. в связи с большими археологическими находками в южной Моравии и по случаю празднования 1100 годовщины прихода солоникских братьев в Моравию вновь появился интерес к обеим проблемам, т. е. к судьбе Великой Моравии, а также к значению византийской миссии. Обеим проблемам — Великой Моравии и миссии Кирилла и Мефодия — было посвящено в 1963 г. несколько международных конференций: конференция в Зальцбурге в июне 1963 г., пятый съезд славистов в Софии в сентябре и международная конференция в Брно и Нитре в октябре того же года. Конференцию в Зальцбурге можно характеризовать стремлением выдвинуть Зальцбург как центр образованности и христианизации в области среднего течения Дуная в 9 в., а следовательно и на территории Великой Моравии. По мнению некоторых участников конференции славяне, населяющие в то время восточные части средней Европы, благодарят Зальцбург за то, что под его влиянием ирландско-шотландские и франко-баварские миссионеры перешли через этот город в Европу, т. е. в сферу западной цивилизации. Согласно мнению организаторов зальцбургской конференции Кирилл и Мефодий сделали для цивилизации очень много, но они могли это сделать только на той основе, которую положили Зальцбург и его ирландско-шотландские и франко-баварские миссионеры. Славянская культура, созданная Кириллом и Мефодием в Великой Моравии, имеет якобы черты западного христианства и его представителей, т. е. зальцбургского архиепископства и его миссии. Ни одного слова не было сказано о том, что христианство и начало средневековой культуры распространялись в наших землях задолго до 863 г., а именно не из одной страны, а „также из Италии, Греции и Германии“, как об этом пишется в паннонской легенде, где немецкие миссионеры были названы (несомненно по праву) только на третьем месте. Никто не высказался о том, что именно Зальцбург и другие немецкие города больше всего препятствовали деятельности Константина и Мефодия и что центр европейской цивилизации в 9 в. не был в Зальцбурге или где-то в другом месте Запада, а в Византии и в провинциальных центрах византийской империи. На конференции можно было встретиться с ошибочным представлением о раз-

делении Европы на Запад и Восток. Несмотря на все увеличивающиеся споры между восточнофранкской и византийской империями, между Римом и Царьградом, эта концепция еще в 9 в. была малоизвестным понятием. Нельзя считать правильными также те высказывания, по которым Константин и Мефодий имеют заслугу в том, что „они передали славянам западную цивилизацию“, что с их приходом в Моравию начинается славянская цивилизация, связанная с западным христианством, и что посредством их деятельности могла развиваться в средней Европе и у нас западно-христианская славянская культура.

На V международном съезде славистов в Софии внимание сосредоточилось также на вопросе о корнях самого древнего славянского письма и о месте возникновения первых текстов старославянской литературы. С одной стороны, подчеркивались заслуги старейшего болгар в том, что, собственно говоря, в Моравию была перенесена готовая работа, возникшая задолго до того в древней Болгарии, что Константин и Мефодий работали среди болгар еще до их прихода в Моравию. А с другой стороны, на конференции появилась мысль о том, что в послании жителей Моравии и князя Растислава в Царьград, посланном в 862 или 863 гг., не было никакой просьбы относительно языка и о языке там вообще не говорилось, что возникновение самого древнего славянского письма и первых старославянских текстов надо отнести задолго до 862/3 гг., что начало славянского письма нельзя связывать с Моравией и что письмо и самые древние старославянские тексты возникли в византийской империи где-то в среде греческих славян и непосредственно для них. — Однако в связи с этим мог появиться вопрос, кем именно было доказано ранее возникновение письма и старославянских текстов на территории Византии. С полным правом мог кто-нибудь также сказать, что вышеупомянутую практику, т. е. обращать людей в христианство путем понятного языка, знали и проводили в 9 в. скорее некоторые латинские миссионеры, чем византийские.

На международной конференции о Великой Моравии, состоявшейся в начале октября в гг. Брно и Нитра, проявились различные мнения о следующих вопросах: оценка археологических находок великоморавского периода до 863 г. и после этого года, оценка отечественных источников и чужих влияний в великоморавской культуре, определение путей, по которым они проникали в Моравию, и мест, откуда они вышли, оценка путей развития и значения Великой Моравии, оценка деятельности Кирилла и Мефодия и роли старославянского и других языков (латинского и греческого) при образовании новых национальных средневековых языков, главным образом славянских.

Различия в решении большинства проблем появились также в юбилейной — нашей и заграничной — литературе, издаваемой до и непосредственно в 1964 г.

Если уже в 1934 г., когда Ильинский опубликовал книгу о кирилло-мефодиевской библиографии, нельзя было справиться с многочисленной литературой о великоморавском и кирилло-мефодиевском периоде, то сегодня она увеличилась на дальнейшие сотни статей и монографий. Несмотря на весь прогресс в исследовании кирилло-мефодиевского вопроса в самых различных науках (в археологии, языкознании, литературоведении, истории), все-таки мы все время встречаемся с различными противоречиями, комбинациями, спекуляциями и догадками, что не имеет места при решении ни

одной проблемы в области средневековой истории. Одна библиотека могла бы содержать только работы, решающие вопрос о том, представляет ли или не представляет кирилло-мефодиевская литература какое-то естественное звено в культурном развитии, которое имеет свои более древние исторические корни. Постоянно высказываются смелые гипотезы о том, что Кирилл и Мефодий исходили в своей деятельности из идей своих предшественников. Их предшественникам приписывают столько заслуг, что возникает вопрос, что же собственно нового принесла кирилло-мефодиевская культура. Трудно найти хотя бы один отдельный вопрос, касающийся т. наз. византийской миссии, в котором существовало бы полное согласие всех исследователей.

Вот почему члены и научные работники философского факультета брноуского университета поставили себе задачей внести свой вклад в решение великоморавского и кирилло-мефодиевского вопросов. Они решили это сделать в специальной книге. Их решение можно считать вполне оправданным. Ведь начало деятельности Кирилла и Мефодия было посвящено прежде всего Моравии, Великой Моравии. Их старославянский язык прежде всего предназначался для великоморавских славян. С политической точки зрения так наз. византийская миссия должна была преимущественно удовлетворять нужды моравских славян. Великоморавская среда, великоморавский князь Ростислав дали импульс к возникновению славянской письменной культуры, которая, наконец, стала большим делом в средневековом развитии всех славян, когда великоморавская держава не могла обеспечить ее дальнейшее развитие. — В работе над решением вышеприведенной задачи объединили свои силы археологи, филологи, литературоведы, искусствоведы и историки в собственном смысле этого слова. Решение этой проблематики посредством различных научных областей оказалось более несбыточным, чем при решении других научных проблем. Решая кирилло-мефодиевские вопросы, мы учитываем великоморавскую проблематику с тем, что без Великой Моравии не существовала бы даже и деятельность Кирилла и Мефодия.

В некоторых статьях выводы авторов расходятся. Но это естественно, так как проблематика, которой они посвящают свои исследования, очень сложна. В существующих до сих пор работах об этой проблематике мы находим еще очень много пробелов, неясностей, расхождений и неточностей. Старославянский язык не исследовался до сих пор как языковая система, а также еще не начался систематический анализ его. Внимание надо уделять как вопросам текстов, так и вопросам взаимоотношений старославянских текстов с византийской и латинской западной литературами, дальше вопросам начала письменной великоморавской культуры. — То, что сохранилось до сих пор из богатой старославянской литературы — это случайно найденные, односторонние по своему содержанию, но заслуживающие нашего внимания тексты. До сих пор не были сделаны подготовительные работы по определению отдельных локальных редакций церковнославянского языка; большинство текстов пока недоступно для научного исследования и поэтому нельзя себе ясно представить ни развитие старославянского языка и литературы в отдельных славянских странах и ни вполне изучить структуру локальных вариантов старославянского языка. — Также при интерпретации громадных археологических великоморавских находок существуют некоторые разногласия. — Относительно решения

собственно исторической проблематики начало нашего христианства часто не по праву связывается либо с западными ирландско-шотландскими миссиями, либо с франко-баварскими миссионерами. Упоминанию, приведенному в биографии Мефодия конца 9 в., согласно которому миссионеры приходили к нам еще до 863 г. „также из Италии, Греции“, не придается большого значения или его смысл отводится на второй план. Притом некоторые ученые понимают это так, якобы миссионеры приходили к нам только из северной Италии или ее соседних областей — Адриатического моря и Далмации —, но не прямо из Византии или других сфер ее влияния.

*Относительного единства в решении вышеприведенных вопросов было достигнуто лишь при решении некоторых исторических проблем. Только в связи с юбилейным 1963 годом в нашей литературе начало оцениваться то, что моравское государство — благодаря Святополку и Мефодию — попало в особые отношения с римской курией, что привело к новой фазе борьбы Моравии за признание и обеспечение самостоятельности моравского государства в тогдашнем европейском международном мире. Авторы пришли к выводу, что с тех пор почти классически начала развиваться — в связи с византийской миссией — великоморавская великодержавная политика.**

Прием статей в настоящий сборник был прекращен в феврале 1964 г. Поэтому литературу, касающуюся данного предмета и изданную после установленного срока, авторы не принимали во внимание.